

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 101.1:316

КАЗАНСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ГРАНИЦ

Д.В. Туманов, А.Ш. Бик-Булатов, С.К. Шайхитдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В публикации подведены предварительные итоги, обозначены основные вехи и намечены перспективы становления и развития казанской научной школы журналистики. Авторы – представители профессорско-преподавательского состава кафедры журналистики, с которой 55 лет назад в Казанском университете началось обучение профессии журналиста и стала развиваться в Поволжье соответствующая наука – журналистиковедение, – олицетворяют собой три поколения исследователей. Обращение к дискуссиям вокруг такого феномена, как научная школа, позволило сформулировать критерии её выделения. В этой связи произведён обзор российских журналистиковедческих школ, оценён вклад основателей казанской школы и её последователей, описаны основные методологические подходы. В результате исследования сформулированы парадигмальные принципы казанской школы журналистиковедения: 1) гуманизм, превосходство «ситуации человека» над технологиями; 2) приоритетность темы личности в журналистской практике, персонифицированный подход к историографии журналистики; 3) диалогичность, обеспечивающая единство различных моделей, дискурсивных практик журналистики и медиапроцессов в целом; 4) диалектичность, учитывающая ситуационность и процессуальность медиакультуры как объекта исследования, генезис и актуальное бытование, метафизику и прагматику.

Ключевые слова: казанская научная школа, кафедра журналистики Казанского университета, парадигмальные принципы, журналистиковедение

Структурно-содержательный полифонизм понятия «научная школа»

В отечественной историографии наименее изученным остаётся феномен научной школы. К его осмыслению и описанию учёные приступили лишь в середине XX в., когда сформировалась новая отрасль знания – науковедение, обратившаяся к проблеме изучения личности и коллектива в научном творчестве. За вторую половину прошлого столетия указанный феномен был обстоятельно рассмотрен как науковедческая категория (см. [1]), а также в общеисторическом (см. [2]) и социокультурном (см. [3]) контекстах.

Сегодня официально принятое в нашей стране определение научной школы дуально: оно подразумевает и оформленную систему научных взглядов, и научное сообщество, придерживающееся этих взглядов. Формирование научной школы, как подчёркивается в справочнике «Ведущие научные школы России», происходит под влиянием лидера, эрудиция, круг интересов и стиль работы которого имеют определяющее значение для привлечения новых сотрудников, а отношения внутри такого научного коллектива выстраиваются вокруг обмена информацией на уровне идей [4, с. 3–4]. Однако, по мнению Л.А. Козловой, «преимущественно (если не абсолютно) учреждённые таким образом “научные школы” вряд ли могут иметь что-то общее с идеями самоорганизации и создания особого направления, особого научного вклада. Это искусственные образования, получившие уже терминологически занятое наименование» [5, с. 50].

Суммируя высказанные к сегодняшнему дню точки зрения, можно уверенно сказать, что в насаждаемом сейчас «определении научной школы ключевыми моментами является наличие основателя школы со своей научной идеей; последователей, один из которых с течением времени приобретает статус лидера; учеников, объединённых единством научных взглядов и разрабатывающих одно или несколько связанных научных направлений. Если исходить из того, что именно научная преемственность, построенная на взаимодействии учёных разных поколений, работа с научной молодёжью позволяют функционировать научной школе длительный период, то основными характеристиками научной школы становятся методическая, научно-педагогическая деятельность, а также устойчивые традиции, принятые в коллективе и передаваемые от “мастера” к “ученику”» [6, с. 24].

Однако такое прочтение не стало общепринятым в современной отечественной научной среде. «...Учёные на Западе тоже гордятся своими учителями, – утверждают некоторые исследователи. – Но понятия научной школы как такового нет, а принадлежность к какому-то узкому направлению, а уж тем более преклонение перед авторитетом, скорее бы были поняты как ограничение широты исследования и, безусловно, оценены как недостаток» [7].

Другие беспартийно заявляют, что в России «к середине 90-х годов понятие научной школы – вполне в духе времени – стало превращаться в вывеску, в удобный потенциальный объект государственной поддержки. В то переломное время сильные руководители некоторых научных и образовательных организаций, не имевшие желания шагнуть в общем унылом строю бюджетополучателей, легко генерировали новые ярлыки, дававшие надежду на усиленное государственное питание. Государственные научные центры, исследовательские университеты, различные академии – вот лишь немногие примеры возникших в те годы “квазипривилегированных” структур» [8].

Третьи уверены, что в основе данного феномена лежат механизмы консолидации и мобилизации социальных сетей, поэтому они сравнивают научную школу с наиболее известной из таковых – мафией (см. [9]).

Четвёртые настаивают на том, что научная школа не может носить неформальный характер, и тесно связывают её с жёстко структурированными научными организациями (см. [10]). Полагая, что формирование научных школ и их исследовательских программ зависит от учебных планов, номенклатуры кафедр

в вузе, планов приёма в аспирантуру, они обвиняют отдельных учёных и целые коллективы в покушении «на научные проблемы, ранее как бы закреплённые за конкретными кафедрами», характеризуя это как «вторжение» на смежные территории и их «захват» [11, с. 3].

Пятое, отвергая территориальное закрепление, центром научных школ признают только лидеров. По их мнению, в состав таких школ «могут входить отдельные учёные и исследовательские группы, удалённые друг от друга в пространстве, а иногда и во времени. Общение (обмен идеями и оппонирование) осуществляется через публикации и дискуссии. Последние могут проходить как в очной (семинары, конференции, конгрессы), так и в заочной (переписка, публикации) формах» [12, с. 4–5].

Интерпретационные подходы к структурно-содержательному наполнению концепта «научная школа» многообразны: в приоритет выносятся фигура лидера, географическое или административное местоположение, научная методология, тематическое направление, формализованный или неформализованный творческий коллектив и многое другое. Это ещё раз подтверждает, что критерии, по которым выделяются научные школы, во многом субъективны и не поддаются объективным оценкам. При этом в бурной полемике начала XXI в. вокруг данного феномена явно прослеживается сильное влияние политико-экономических отношений в обществе: «Как только некое понятие начинает увязываться с возможностью получения дополнительных денежных средств, так сразу же появляется соблазн “примерить” это понятие и эти деньги на себя. В результате денежная составляющая вопроса вкупе со звучным названием определили интерес различных научных коллективов к провозглашению себя “научными школами”» [12, с. 19].

Философ-науквед М.Г. Лазар полагает, что «для превращения научного коллектива в школу необходимо следующее:

- учёный-лидер, обладающий незаурядной личностью, преданный своему делу и обладающий определёнными организаторскими способностями;
- перспективная программа исследования научной идеи, разработки данной методологии, методики, метода, притягательные для всех членов научного коллектива;
- долгая совместная работа по разработке одной идеи, темы в рамках одной организации;
- регулярное обсуждение в коллективе научных проблем, предлагаемых вариантов решений проблемы, полученных этапных или окончательных результатов;
- право каждого на критику без оглядки на авторитет, статус в науке и возраст; демократизм и равенство всех членов коллектива при обсуждениях;
- право на выдвижение самых “сумасшедших идей”;
- реальное взаимное уважение достоинства членов коллектива, благожелательные межличностные отношения;
- справедливая оценка со стороны лидера личного вклада младших коллег при опубликовании результатов, оплате, премировании и т. п.» [13, с. 47].

Однако многие из указанных параметров не могут быть объективно измерены. По какой шкале, например, следует квалифицировать такие критерии,

как незаурядность личности лидера, притягательность исследовательской программы, долготрадность совместной работы, право на критику, справедливость оценки труда и «сумасшествия» выдвигаемых идей? Здесь вспоминаются математические открытия из детской истории «Как лечить удава», рассказанной Г.Б. Остером: «Мало – это когда всё съел и ещё хочется. А много – это когда уже больше не хочется» [14].

Наш взгляд на научную школу несколько отличается от рассмотренных выше. Как справедливо указывает ряд учёных, если в узком смысле под этим феноменом понимается институционализированная группа учёных, то в широком – его характеристиками становятся «наследование научных традиций предшественников, практическое воспроизводство и преемственность научно-исследовательской деятельности в рамках поставленных научных проблем и парадигм; наличие солидных публикаций, результатов исследований учёных одного круга и использование этих публикаций (точнее, изложенных в них идей, методологии, результатов исследований и т. п.), ссылки на них, цитирование их последователями» [15, с. 88]. При определении казанской научной школы журналистиковедения мы опираемся на наличие в ней следующих составляющих:

- коллективный лидер, играющий роль «мозгового центра»;
- преемственность научных традиций;
- практическое воспроизводство творческого коллектива;
- востребованность научным сообществом результатов исследовательской деятельности;
- сохранение единых парадигмальных рамок.

В принятой классификации такая научная школа является не классической, а современной, поскольку её представители могут и не быть членами единого формального коллектива (см. [16]).

История любой науки, согласно Т.С. Куну, это периодическая смена парадигм, которые управляют группой учёных-исследователей и становятся значимым структурным элементом складывающейся научной школы (см. [17]). Придерживаясь схожих позиций, мы полагаем, что базовое основание сложившейся в Казани научной школы журналистики парадигмально – «сохранить преемственность между знанием, организованным гуманитарной традицией, и знанием, обусловленным динамикой современной жизни, технологическими новациями» [18, с. 4]. Среди основополагающих критериев мы выделяем *преемственность креативного научного творчества единомышленников, неразрывную связь теории с практикой, а также приверженность единому подходу к исследованиям через «ситуацию человека»*. При этом мы разделяем позицию, что «переход к новой парадигме отнюдь не означает полного перечёркивания прежней. Возможна такая модель развития науки, когда сохраняется преемственность между старой и новой парадигмами» [19, с. 114]. Подобная научная школа характеризуется *общими для всех её членов научным языком, системой взглядов, методами исследований и научными ценностями*.

Общность теоретических и методологических позиций казанской журналистиковедческой школы определяет и направленность проблематики её исследований – *гуманизация общественных отношений публицистическими средствами*,

динамически рассматриваемая через «ситуацию человека» в социокультурном контексте.

Таким образом, чётко сформулированная научная парадигма, наличие исследовательской программы, высокая плотность научной коммуникации, готовность и умение проводить коллективные исследования также рассматриваются нами как структурные элементы современной научной школы.

История формирования научных школ журналистиковедения

История становления журналистики как науки ведёт свой отсчёт с конца XVIII в., с того момента, когда журналисты-практики начали рефлексировать по поводу сделанного ими. Одной из первых работ такого типа стала статья М.В. Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии», которая была написана на латыни в 1754 г., а затем, спустя год, переведена на французский язык для публикации в европейском журнале «Новая немецкая библиотека, или литературная история Германии, Швейцарии и северных стран» [20]. Тогда начала складываться парадигма журналистиковедения: формулировались основные законы, определяющие функции прессы, структурно-жанровую и типологическую специфику изданий, методику создания общественного мнения.

Ценностное измерение журналистики как парадигма исследования возникло уже в самом начале XIX в. с появлением размышлений о двух её путях:

- 1) «обязана», «призвана», «предназначена», то есть через долженствование;
- 2) «существует», «развивается», «отражает», то есть через бытийность.

Одновременно шли дискуссии о направленности вектора исследований и отражении социальной действительности, которые развернули Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, Д.В. Дашков, В.А. Жуковский. Как отмечает В.С. Киселёв, «в отличие от Н.М. Карамзина, обращавшего своими журналами к динамике бытия личности в “большом мире”, т. е. восходившего от дневника к хронике, Жуковский подчинил хроникальную форму задачам самопознания личности, устройства её малого мира» [21, с. 61]. При этом последний уверял, что «существенная польза журнала, не говоря уже о приятности минутного занятия, состоит в том, что он скорее всякой другой книги распространяет полезные идеи, образует разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразия, лёгкости, нечувствительно привлекает к занятиям более трудным, усиливает охоту читать и читать с целью, с выбором, для пользы!» [22, с. 180].

Эта точка зрения оказалась наиболее привлекательной для большинства издателей. Придерживаясь её, публицистика расширила «амплитудную модуляцию» изданий от бульварных (развлекательных) до элитарных (научно-просветительских). А в 1825 г. редактор журнала «Московский телеграф» Н.А. Полевой впервые употребил привычный для нас термин «журналистика» в применении ко всей совокупности периодических изданий, назвав так обзор прессы в своём издании (см. [23]).

В дальнейшем начали появляться многочисленные научные и практические пособия по журналистике, стал формироваться научно-исследовательский потенциал. К концу XIX в. представилась возможность перейти от экстенсивного пути исследования, реализующегося за счёт количественного увеличения эмпириче-

ского материала, к интенсивному способу, где важен возвратный (или элементарно-теоретический) анализ, позволяющий формулировать новые положения, что создало предпосылки для развития научных школ журналистиковедения. Таким образом, когда в начале XX в. возникла потребность в академическом осмыслении практических наработок журналистики, учёные были готовы предъявить парадигмы своих исследований и право на лидерство в научном коллективе.

Первая теоретико-журналистская школа в России образовалась на рубеже первого и второго десятилетий XX в. Её лидер – ректор Московского института журналистики К.П. Новицкий – полагал, что «учение о журнализме охватывает все познания, имеющие отношение к периодике как таковой в её прошлом и настоящем, то есть имеет в виду... изучение условий возникновения, производства, распространения и утилизации произведений периодической печати» [24, с. 31]. Формирование *московской журналистиковедческой школы* шло в рамках официальной идеологии, а потому, несмотря на смену лидеров научно-исследовательского коллектива и названий академического института, парадигмально в условиях большевистской диктатуры пролетариата она придерживалась теоретического обоснования марксистско-ленинского учения о средствах массовой информации, а после крушения коммунистического режима – теорий, утверждённых на государственном уровне.

«Для признания существования школы важно, что в масштабах социальной мегасистемы (Советский Союз и государства социалистического блока) сформировалось однородное направление теоретической мысли, восходившее к определённой – марксистской – идеологии, давшее имена признанных исследователей-лидеров и воспроизводившее себя в трудах нескольких поколений специалистов. Надо добавить, что директивное одобрение (и даже насаждение) идеологического единообразия отнюдь не исключало ни полемичности в понимании методологических вопросов – например, по поводу принципов журналистики... ни разработки категориального аппарата на уровне “высокой” теории», – пишет С.Г. Корконосенко [25, с. 54]. Из этой научной школы вышли такие виднейшие теоретики журналистиковедения, как Е.П. Прохоров, Б.И. Есин, Р.П. Овсепян, Е.Л. Варганова, Р.А. Борецкий, С.А. Муратов, Г.В. Кузнецов, А.А. Тертычный, М.И. Шостак, И.М. Дзялошинский, Л.Г. Свитич.

Петроградская (затем – *Ленинградская*, *Санкт-Петербургская*) *журналистиковедческая школа* развивалась под влиянием целого ряда отдалённых и близких во времени, объективных и субъективных факторов, которые предопределили её особенности и отличия от других научных школ. Существенным моментом стало то, что в нестоличном Петрограде сконцентрировался оппозиционный советско-партийной бюрократии интеллектуальный потенциал, сосредоточилась та часть интеллигенции, которая дистанцировалась от властных структур и занялась направлениями науки, не получившими официальной поддержки.

Особенно плодотворным был вклад В.Е. Евгеньева-Максимова, создавшего непреходящие по научной ценности труды, раскрывающие этапы истории российской журналистики (жизненный путь учёного и список его публикаций представлен В.С. Масловым) [26]). Он и его единомышленники П.Н. Берков, В.В. Гиппиус, Л.Я. Гинзбург, А.Г. Дементьев, В.Ф. Бережной, В.Г. Березина,

Г.В. Жирков, Л.П. Громова сформировали лицо петроградско-ленинградско-петербургской журналистиковедческой школы, парадигмально ориентированной на социокультурные исследования.

Другая журналистиковедческая школа складывалась в Екатеринбурге, в прошлом Свердловске, в 30-е годы XX в. Её основатель Е.Я. Багреев (см. о нём [27]) заложил фундамент теоретического подхода, который сегодня называют исследовательской синергетикой. Среди его последователей В.А. Шандра, В.Н. Фоминых, В.В. Кельник, В.А. Павлов, Б.Н. Лозовский, В.Ф. Олешко, М.В. Ковалёва, Д.Л. Стровский. Государственный заказ на подготовку кадров для региональных СМИ определил парадигмальную практикоориентированность *уральской журналистиковедческой школы*. В настоящее время исследовательский коллектив активно развивает такие научные направления, как теория и история журналистики, конвергенция средств массовой информации, журналистика данных.

Свою специфику имеют и другие российские школы журналистиковедения:

- белгородская, созданная А.П. Короченским;
- воронежская, основателями которой стали М.И. Стюфляева и Л.Е. Кройчик;
- ростовская, сформированная Е.А. Корниловым.

В этом ряду *казанская школа* одна из молодых.

История журналистского образования в одном из старейших вузов страны – Казанском университете – ведёт отсчёт с марта 1962 г., когда министр высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. Столетов подписал приказ «Об организации кафедры журналистики в Казанском государственном университете». К этому времени журналистская наука окончательно закрепились в составе филологических: «Победа в борьбе двух форм подготовки журналистов, получивших развитие в СССР – партийной, политической и университетской, филологической, – в конечном итоге досталась последней, опирающейся на традиции русской культуры, цикл филологических дисциплин, полноценное преподавание которых мог обеспечить специалист высокой квалификации – универсал, что гарантировало и выпуск квалифицированного специалиста – литературного работника, главную фигуру журналистского творческого процесса» [28, с. 12].

Основателем кафедры журналистики был первый в Советском Союзе доктор и профессор по специальности «Журналистика» И.Г. Пехтелев. Признанный литературовед, профессор Казанского педагогического института, он ставил в приоритет исследование местной публицистики: татарской журналистики, казанской прессы и – шире – печати Поволжья (см., например, [29]).

Изучение национальной журналистики координировал известный татарский писатель, публицист и учёный Г.С. Кашшаф. Именно ему завещал весь свой архив М. Джалиль: «В случае моей смерти сбор всех моих рукописей, стихов, песен, поэм, рассказов, пьес, эпиграмм, критических статей, дневников, писем, как в черновом виде, так и в виде беловиков, завещаю и доверяю моему лучшему другу, критику и писателю... Завещаю ему всё моё творчество, завещаю привести в порядок моё литературное наследие и со своими комментариями опубликовать в печати по его усмотрению» [30, с. 468–469].

И.Г. Пехтелев отчётливо видел перспективы развития системы средств массовой информации, он ввёл курсы по основам телевидения и радиожурналистики

в учебный план задолго до того, как на кафедре появилась соответствующая материальная база. Таким образом, в сферу научно-исследовательских интересов оказалась включённой не только филологическая проблематика, но и социально-политические и социально-культурные аспекты журналистской деятельности.

Структура исследовательской парадигмы была предопределена полиэтническим и поликонфессиональным характером региона. Центральной становится проблема диалектики национального, интернационального и общечеловеческого в журналистике. Пока в стране «под давлением сложившейся социально-политической атмосферы, господства партийной бюрократии создавалась раздутая историко-журналистская лениниана, гипертрофированная “теория” о всеобъемлющем, научном партийном руководстве, об информационном процессе, представленном как сугубо публицистический» [28, с. 25], казанские журналистиковеды разрабатывали основы гуманистического подхода к изучению творческого наследия публицистов.

Основатель казанской журналистиковедческой школы

Андрей Александрович Роот (род. 1927), несмотря на свой солидный возраст, продолжает чутко реагировать на современные веяния. Достигнув девяностолетия, он на личном примере учит, как накапливать интеллектуальные ресурсы и растить самосознание. Основу профессорско-преподавательского состава кафедры журналистики Казанского университета с пятидесятипятилетней историей составляют его ученики, по-прежнему бережно прислушивающиеся к советам живой легенды журналистского образования в Поволжье.

Детство и отрочество А.А. Роота прошли на знаменитом Фёдоровском бугре в Казани. Дом его отца – немца по национальности – стоял приблизительно там, где 12 декабря 1887 г. в восьмом часу вечера от неразделённой любви пытался покончить жизнь самоубийством Алёша Пешков (более известен как Максим Горький) и где в 1987 г. был построен Ленинский мемориал (спустя пять лет переименован в Национально-культурный центр «Казань»). Юность он провёл в Ленинградском военном училище по подготовке офицеров штаба, откуда был направлен в Петрозаводск, где располагался штаб Северного военного округа. Служба в армии, затянувшаяся на восемь лет, едва не переросла в профессиональное служение Отечеству. Но тяга к знаниям перевесила, и А.А. Роот, уволившись из состава вооружённых сил, вернулся в Казань, окончил отделение русского языка и литературы, логики и психологии, а затем аспирантуру на кафедре литературы Казанского государственного педагогического института. В 1962 г. он принял приглашение своего учителя И.Г. Пехтелева участвовать в создании кафедры журналистики в Казанском государственном университете. Здесь его ожидали ещё одна аспирантура, защита диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности «Журналистика» (см. [31]) и судьба основателя казанской журналистиковедческой школы.

Идея гуманизма как ценностный ориентир в медиаисследованиях казанской журналистиковедческой школы была сформулирована в работах первого декана факультета журналистики Казанского университета доцента Ф.И. Агзамова, который, наряду со своими предшественниками и соратниками, многое

сделал для того, чтобы формируемый им коллектив преподавателей, учёных утвердился в регионе как институция (см. его диссертацию «Интернациональное воспитание трудящихся и пропаганда идеи дружбы народов в советской печати (1966–1970)» [32]). Но непосредственно вдохновителем научных проектов, озабоченным созданием площадок для научной коммуникации, вопросами преемственности знаний, консолидации творческих сил, явился профессор А.А. Роот. Окружённый единомышленниками – Л.М. Пивоваровой, Р.М. Нуруллиной, М.С. Савельевой, С.И. Антоновым, Ю.И. Фроловым, К.Н. Курановым, Р.А. Мустафиным, – он активно включился в разработку актуальнейших журналистиковедческих проблем.

Журналистика рассматривалась тогда либо через призму воплощения в печати марксистско-ленинской идеологии, либо через языковые и стилистические особенности выдающихся публицистов. А.А. Роот избрал для себя особый ракурс – *историко-типологический*. «Установилось мнение, – пишет он, – что впервые в русской журналистике передовые статьи возникли в газетах “Северная пчела” и “Молва”. Однако ещё за полтора года до П.С. Усова в “Северной пчеле” и почти за два года до К.С. Аксакова в “Молве” начинается публикация своих передовых статей А.И. Герцен в журнале “Полярная звезда”, первый номер которого вышел в Лондоне 20 августа 1855 года» [33, с. 19]. Углубляясь в вопрос возникновения этого подцензурного жанра политической публицистики, исследователь устанавливает, что «первоначальные сведения о передовой статье как жанре в официальной печати мы находим в отчёте, составленном по распоряжению министра внутренних дел П.А. Валуева в опубликованном “Собрании материалов...” <...> Самый термин “передовая статья” в качестве синонимического понятия “руководящая статья” впервые в лексикографии зарегистрирован В.И. Далем в 3-м томе его “Толкового словаря”, вышедшем, кстати, в год издания “Собрания материалов...” – 1865» [33, с. 99].

Типогенезис жанра А.А. Роот прослеживает преимущественно на статьях А.И. Герцена, однако избранный им ракурс исследования требует привлечения самого широчайшего круга авторов. И в этом нам видится начало того *процессуального подхода* к истории журналистики, который ляжет в парадигмальную основу казанской журналистиковедческой школы.

«Мир – вулканен, – уверенно заявляет он. – Ещё и неуловимыми подземными гулами вдруг взрывается огненными лавами. Во все времена так. И теперь.

Бурлит и наше общество. Напряжена мысль, раскалены чувства. Всё во власти обострённых раздумий – в осознании своего настоящего, прошлого и будущего» [34, с. 4].

Рассматривая передовую статью в частности и всё публицистическое наследие прошлых веков в целом, А.А. Роот говорит о них как о формах являющегося сознания. «Формирующаяся, наконец, современная, по-настоящему свободная печать. Раскрепощающая мысль в гласности, не может не востребовать истинных её начал, корней, истоков, не может не взывать к осмыслению традиций», – уверен учёный [34, с. 4–5].

Обратившись к вольной русской прессе, А.А. Роот в числе первых, если не первый, занялся скрупулёзным исследованием такого явления, как *печать русского зарубежья*. Это был смелый шаг в условиях жёсткой советской цензуры

70-х годов двадцатого столетия. Тем не менее русская эмигрантская периодика рассматривалась им не просто как неподцензурная политическая мысль, но как система, берущая своё начало в деятельности А.И. Герцена и Н.П. Огарёва и продолжающаяся вплоть до сегодняшнего дня: «Формируется неподвластная правительству оппозиция, недостижимая интеллектуально-художественная сила – Свободное Слово. Впервые в истории русской общественной мысли создаётся возможность прямой речи – от авторского лица, в открытом политическом тексте. Это – новое явление в истории русской культуры: социокультурная форма проявления духовной деятельности раскрепощённого человека. <...> Герцено-огарёвские издания открывают традиции русской эмигрантской прессы в новых личностных идеях и разнохарактерных видовых формах журналистского творчества. Формируется печать как система культурологических ценностей новых ориентаций» [34, с. 319].

Раскрытию многоуровневой системы, вычленению её слагаемых, описанию социокультурных срезов и воссозданию характера русской неподцензурной мысли А.А. Роот посвятил множество научных трудов начиная с 1970 г. (см., например, [35]), открыв новое направление в журналистиковедении.

Произведения печати и – шире – вольное, независимое мыслетворчество публицистов, их воплощённый в слове дух предстают в монографических исследованиях А.А. Роота явлением сложным, разнообразным по форме, но обладающим общими закономерностями устройства: многомерность мира, по мысли учёного, отражается в многомерности не только каждого процесса, но и любого единичного факта. Здесь он следует мысли Ф.Ф. Зелинского, полагавшего, что филология должна принадлежать к категории «наук о духе», что придаст ей особый статус и обособит от совокупности математических и естественных наук; науки, посвящённые изучению человеческого духа, могут изучать его либо в самом себе, либо в его творениях [36].

В центре исследовательского внимания находились личность и её нравственный идеал, как того требовала “moral science”. Социальная ответственность и этическое начало в статьях публицистов XIX в. послужили для А.А. Роота той призмой, через которую он рассматривал объект своего исследования. Творчество А.И. Герцена предстаёт в его работах как социально-историческая действительность, данная непосредственно во внутреннем опыте «целостного человека». Феноменологический подход к изучению периодики стал для учёного основополагающим и позволил увидеть философские начала в журналистиковедении. Философскую категорию «этика» и связанные с ней высшие ценности и идеалы долженствования он применил к исследованию текстов периодических изданий. Говоря о методах работы А.И. Герцена над текстом, А.А. Роот подчёркивал, что тот «стремился полнее, глубже, ёмче осветить своей могучей мыслью перспективность “сиюминутности”», поскольку «насыщенность жизни множеством сложных, порой противоречивых событий требовала от Герцена, редактора-публициста, мудрого предвидения» [33, с. 57].

В 1991 г. Роот возглавил кафедру журналистики Казанского университета. Формируя её кадровый состав как коллективного лидера, играющего роль «мозгового центра», он словно чувствовал высказанную в тот же период мысль американского философа П. Фейерабенда: «Люди свободного общества должны

принимать решения по самым фундаментальным вопросам, они должны знать, как собрать необходимую информацию, они должны понимать цели традиций, отличных от их собственной традиции, и ту роль, которую играет традиция в жизни своих членов. Зрелость, о которой я говорю, не сводится к развитости интеллекта, это есть чувствительность, которую можно приобрести благодаря частым контактам с различными точками зрения» [37, с. 159]. Остро ощущая потребность в обогащении междисциплинарным диалогом, А.А. Роот предоставляет своим коллегам возможность выбирать собственные пути осмысления журналистики как формы познания и сознания «в широком контексте истории России и Запада, в органической связи с развитием русской и западноевропейской общественной мысли» [34, с. 25].

Диалогичность публицистического текста учёный видит и в контекстуальном плане, и в дискуссии публициста с собой прошлым и будущим, и в эмоциональном разговоре с читателем, и в рациональном освоении опыта предыдущих поколений... В каждом проявлении журналистского сознания он ищет социально-политические и философические истоки, разнообразные грани, «и всё это с одной целью, чтобы глубже, ярче, убедительнее раскрыть идею» [33, с. 91], оставаясь верным осмыслению публицистического наследия одного из видных критиков официальной идеологии и политики Российской империи в XIX в.: «Мир Герцена близок нам, он рядом своих особенностей предвосхищает современную концепцию нового мышления. <...> Чего стоит одно лишь первенство Герцена по России в провозглашении им единственно возможного жизненного статуса – мирного прогресса» [34, с. 12].

Созданный учёным труд «Герцен и традиции Вольной русской прессы» [34] выдержал не одно издание, оставаясь востребованным российскими журналистикооведами, отметившими новаторство исследовательского подхода: «А.А. Роот, характеризуя традиции Вольной русской прессы, указывает на задачи, чрезвычайно важные для понимания сути научных исследований в журналистике: “проанализировать текст как произведение искусства – в единстве содержания и формы, обратив особое внимание на документальную основу, жанровые признаки, логику аргументации, тип издания, соотношение слагаемых”» [38, с. 177].

Вектор исследования средств массовой информации, обозначенный А.А. Роотом как «прошедшее – настоящее – будущее в сознании личности» [34, с. 336], нашёл своё воплощение в созданных им аспирантуре по специальности 10.01.10 – Журналистика (филологические науки) и диссертационном совете Д 212.081.14. Сегодня он доктор филологических наук, Заслуженный профессор Казанского университета, академик Санкт-Петербургской межрегиональной общественной организации «Академия военно-исторических наук Российской Федерации», Заслуженный деятель науки Республики Татарстан и Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Его преемники – питомцы казанской журналистиковедческой школы – занимают достойное место в науке, открывают новые направления исследований и становятся признанными лидерами в них.

«В науках всегда шёл процесс дифференциации-интеграции, – подчёркивает А.А. Роот. – Особенно в наше время. Этому подвержена и журналистская наука. Она призвана адекватно – и упреждающе – удовлетворить запросы журналистской

практики, цель которой с максимальной полнотой отразить сферы действительности глобального мира. Практика живёт научной подпиткой и нуждается в системе отраслей журналистской науки и в содружестве со смежными науками» [39, с. 692]. При этом он отмечает всё возрастающую социальную ответственность учёного. Вслед за Р. Мертоном [40] основоположник казанского журналистиковедения призывает быть бдительным и придерживаться правил немедленной публикации исследовательских результатов, объективно оценивать свои достижения и служить исключительно делу познания истины.

Историография журналистики: персонификация времени

Идея оформления казанской журналистиковедческой школы уже давно обсуждается в рамках конференций, круглых столов и заседаний кафедр *alma mater*. Обнаруживалась некоторая общность подходов, принципов и самого отношения к журналистике как к роду деятельности в исследованиях, посвящённых, казалось бы, отличным друг от друга областям публицистики: от истории печати до современной практики функционирования массовых медиа, этики, психологии и философии журнализма. По нашему мнению, такое единство позиций обусловлено именно принадлежностью исследователей к казанской научно-образовательной традиции, оно формируется и закрепляется здесь и не совпадает в полной мере с идеями, которые предлагают коллеги из других вузов (не важно, оформились они в полноценные научные школы или представлены в работах отдельных учёных). Трудность заключалась в окончательном определении и систематизации этих принципов.

Первым этапом оформления казанской журналистиковедческой школы стал подготовленный профессором А.А. Роотом и доцентом Р.П. Бакановым и вышедший в 2008 г. сборник «Журналистская наука в Казанском университете: концепции диссертационных исследований» [41]. В него были включены авторефераты докторских и кандидатских диссертаций, защищённых с момента основания кафедры, то есть с 1962 г.

Эта книга доказывает, что журналистиковедение в Казанском университете первоначально оформлялось под приматом историко-литературных исследований, зачастую посвящённых ведущим публицистам, личностям журналистики. В работах, написанных казанскими учёными в первые десятилетия существования отделения журналистики в университете, затрагивались различные аспекты жизни и творчества А.Н. Толстого, А.И. Левитова, Б.Л. Горбатова, Я. Гашека, А. Кутуя и др.

Эта персонифицированная траектория, то есть *изучение журналистского процесса через исследование роли личности*, продолжается и в более поздних диссертациях 1990–2000-х годов. Причём она находит воплощение не только в исторических, но и, например, в философских работах. Так, в автореферате докторской диссертации на тему «Информационное общество и “ситуация человека” (Эволюция феномена отчуждения)», представленной в 2004 г. к защите на соискание учёной степени в стенах Казанского университета, подчёркнуто: «Проблема исследования формулируется нами как проблема сосуществования двух измерений действительности – “системы” и “жизненного мира”. Основным инструментальным понятием при этом стало понятие отчуждения – отчуждения

родовой сущности человека от его существования. Понятийное отражение противоречия сущности и существования нами видится в словосочетании “ситуация человека”. “Ситуация” в нашем понимании суть не “вот это отношение”; “ситуация” репрезентирует некое аналитически нерасчленённое конкретно-историческое бытование проблемы человека» [42, с. 7].

Отметим ещё несколько тенденций, которые наметились уже в первых работах казанских учёных-журналистиковедов и до сих пор оказывают влияние на нынешних представителей школы. Во-первых, особенное внимание к *процессуальности русской журналистики и литературы*, стремление показать не просто личность, но через неё или вместе с ней весь процесс развития публицистики. В связи с этим для исследования очень часто берётся довольно большой хронологический период, в отличие от работ, предполагающих статичное рассмотрение какого-либо издания или творчества публициста в конкретный момент времени. Например, И.Г. Пехтелев в работе «Белинский как историк русской литературы» подчёркивает: «Вопросы периодизации русской и советской литературы и литератур братских народов, построение концепций литературного развития и его закономерностей, а также творчества отдельных писателей на фоне развития всей литературы, установление места эстетики и критики в истории литературы и определение самого типа историко-литературного исследования и т. д. – всё это вопросы, которые продолжают оставаться острыми и в настоящее время, и для своего разрешения потребуют больших коллективных усилий советских литературоведов» [43, с. 15–16]. Эта линия поддерживается на протяжении четверти века в целом ряде диссертационных исследований и монографий (см., например, [44–47]).

Во-вторых, использование гуманистического потенциала журналистики, восприятие её как силы, направленной на гуманизацию общества, – иными словами, *принцип гуманизма*. Эта тема краеугольная в исследованиях Ф.И. Агзамова. Нравственно-правовые аспекты русской журналистики 60–70-х годов XIX в. изучала Т.С. Карлова (см. [48]). В начале XXI в. А.Ш. Бик-Булатовым в стенах *alma mater* была поднята проблема нигилизма в журналистике и публицистике (см. [46]). Так или иначе, гуманитарная направляющая прослеживается в большинстве научных работ казанских исследователей.

В рамках кафедральных и иных дискуссий был сделан вывод, что гуманизм как принцип работы журналистики – то, что объединяет представителей казанской школы. Журналистикой мы считаем только те медиа, которые, имея все другие соответствующие признаки, видят своей задачей гуманизацию современного общества, служат социальному интересу, работают на улучшение, исправление различных сторон жизни и быта людей, стараются воспитывать в них лучшие гражданские и моральные качества. Безусловно, представления о ценностях могут различаться, но желание видеть свою аудиторию умной, социально ответственной, состоящей из полноправных личностей – принцип основополагающий.

Мы осознаём, что для представителей других школ такой критерий может показаться недостаточным, идеальным, невозможным в современных реалиях. Нашими коллегами предлагаются иные классификационные признаки медиа, например: экономическая организация, место среди других институтов (власти,

бизнеса, общества и проч.), социокультурные и организационные функции и т. д. С уважением относясь к ним и разрабатывая их в своих исследованиях по мере необходимости, мы ставим во главу угла принцип гуманизма. Убеждены, что, только соблюдая его, мы можем сохранить канон нашей профессии и всё же говорить об особенной роли журналистики среди других медиа (заметная тенденция последнего времени – переименование факультетов журналистики в институты медиа).

Наш осторожный оптимизм зиждется на понимании журналистики как процесса подвижного и изменчивого. Так, даже делами по управлению печати распоряжались различные институты в зависимости от исторического периода: то посольский приказ (соответствует Министерству иностранных дел), то Академия наук, то Министерство просвещения, то Министерство внутренних дел и т. д. Журналистика была вписана в разные системы, выступала то частью науки, то элементом внутренней политики, то инструментом бизнеса. Её нынешнее положение, которое многим сторонним наблюдателям, вероятно, представляется окончательным, конечно же, таковым не является. Возможно, нам предстоит заново утверждать принцип гуманизма в медиа и журналистике на новом технологическом и идейном этапе.

Ещё один важный аспект казанской журналистиковедческой школы – тесная связь её представителей с *практикой*. Многие не только известные в научном кругу теоретики, но и действующие журналисты (А.Ш. Бик-Булатов, Д.В. Туманов, Р.М. Галеева и др.), а кроме того, эксперты (например, С.К. Шайхитдинова входит в состав региональной общественной коллегии по жалобам на прессу). Тезисы, обосновываемые в научно-исследовательских работах, они стараются реализовывать в практической журналистике.

Диалогичность и *соучастие* – важные принципы, отстаиваемые казанской журналистиковедческой школой. Они обусловлены особенностями самого региона: Татарстан – многонациональная, билингвальная территория. Подготовка национальных (татарских) журналистских кадров в Казанском университете всегда шла в тесном переплетении с русскими студенческими журналистскими группами. В результате две богатые традиции пребывают в тесном переплетении.

Ещё одно проявление диалогичности – атмосфера демократизма, живого взаимодействия между студентами и преподавателями, организация дополнительных форм общения, будь то встреча с профессором В.И. Курашовым, который хорошо известен как автор книг о деревянной архитектуре Казани¹, или пресс-конференция с генеральным директором телеканала «Татарстан-24» С.Ю. Лобовым, переросшая в мастер-класс². Безусловно, такой стиль работы характерен не только для Казанского университета, однако это имеет значение при описании научной школы журналистиковедения.

¹ См. подробнее об этом в материале, размещённом 12 марта 2017 г. на медиапортале КФУ (<http://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-zhurnalistiki/kafedra-zhurnalistiki/semiotika-derevyannoj-arhitektury-283956.html>).

² См. подробнее об этом в материале, размещённом 24 февраля 2017 г. на медиапортале КФУ (<http://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-zhurnalistiki/kafedra-zhurnalistiki/sergej-lobov-39sovetuju-prodolzhat-uchitsya39.html>).

Итак, позади второй этап оформления казанской журналистиковедческой школы. Перечислим выявленные нами парадигмальные принципы, которые можно утвердить как наиболее важные для её представителей:

1) гуманизм как базовый принцип журналистики и ценностный ориентир в организации медиасреды, определяющий приоритет «ситуации человека» над технологиями;

2) приоритетность темы личности в журналистской практике и персонифицированный подход к историографии журналистики;

3) диалогичность, обеспечивающая единство различных потоков, моделей, дискурсивных практик журналистики и медиапроцессов в целом;

4) диалектичность, учитывающая ситуационность и процессуальность медиакультуры как объекта исследования, её генезис и актуальное бытование, метафизику и прагматику.

Конвергентному предмету – адекватный метод

Совокупность парадигмальных принципов казанской научной школы журналистики представляет собой системное единство. Это означает, что они взаимодополняются, помогают раскрыть друг друга. К примеру, первый принцип высвечивает нужные грани второго: речь идёт не о «сверхличности», не об «успешной личности» и т. п., а о личностных проявлениях человеческого в журналистике. В свою очередь, второй принцип помогает раскрыться четвёртому. У медиакультуры на сегодняшний день много различных трактовок. Соотнесённая с личностью, она хотя и включает в себя всё, что может быть названо способом деятельности, но не исчерпывается этим, возвышаясь до духовно-нравственных проявлений человека. В этом случае её этической миссией становится оберегающее участие по отношению к человеческой субъективности перед тотальностью медиа.

В данном разделе конкретизируем ряд методологических подходов казанского журналистиковедения, позволяющих соотнести указанные метафизические установки с современной журналистской практикой. Уже на стадии обозначения на конвергентном предметном поле российской коммуникативистики и журналистиковедения зон, которые определяются нами как проблемные, просматривается профиль научной школы.

Первой назовём проблему «*расфокусировки*» журналистской практики, которая вызвана освобождением от единой советской идеологии и развитием новых коммуникационных технологий. Идеи, консолидировавшей бы возникшее идеологическое многообразие средств массовой информации, пока не сформировалось. Между тем сложились весьма устойчивые представления о том, кому и что должна журналистика и отдельные журналисты; эти воззрения могут усиливать друг друга или входить в конфликт. Если исследователь возьмётся оценивать их с позиций единых ценностно-нормативных требований (к примеру, свободы слова или национальных интересов), он рискует исказить предметное поле своими установками. Представители казанской журналистиковедческой школы стремятся в этих случаях учитывать диалектическое единство общего и особенного в журналистике, отдавая дань её смыслоформирующей миссии

служить обществу и оставляя за ней право вбирать в себя социокультурные особенности контекстных практик.

Общая картина складывается из сочетания различных моделей-концепций СМИ, сформированных в ходе исторических и локальных трансформаций института журналистики. Речь идёт о таких концепциях, как авторитарная, либертарианская, советская, социального участия, национального развития и социальной ответственности [49]. Развивая теории зарубежных исследователей, мы пришли к утверждению, что представленные концепции выводят на первый план строй соответствующих субъектов ответственности: государство, личность, «массу», социальные группы, этнос и журналистов, представляющих интересы населения. В постсоветской медиасфере присутствуют все эти субъекты, деятельность которых формирует модель медиавзаимодействия и журналистики [50]. Очевидно, что в Татарстане, невозможен один и тот же подход к национальной татароязычной и республиканской русскоязычной журналистике. Кроме того, существует ряд других концепций журналистики, существенно отличающихся друг от друга: та, что представлена интернет-блогами, и та, что представлена «районками»... По сути, мы имеем дело с различными дискурсивными практиками, которые автономно замкнуты на свои аудитории и свои форматы.

Что должно выступать критерием приоритетности, основой диалогичности различных концепций-дискурсов журналистики? Поиски ответа на этот вопрос определяют проблемную зону медиаисследований. Для представителей казанской журналистиковедческой школы, руководствующихся принципом гуманизма, сомнений нет. Своего рода гуманитарной площадкой, стимулирующей развитие разнонаправленных журналистских практик, нам видится *концепция социальной ответственности прессы*, что коррелирует с идеей общественной значимости информации и её неотделимости от этического измерения. В этом русле начатое дело продолжают молодые учёные, которые воплощают выработанные на протяжении полувека принципы в трудах по медиакритике (см., например, [51]), профессиональной и визуальной культуре (см., например, [52, 53]), проблемам духовного синкретизма (см., например, [54]) и медианасилия (см., например, [55]) и др. Косвенным свидетельством высокого научного потенциала казанской журналистиковедческой школы может служить ежегодная Международная научно-практическая конференция «Информационное поле современной России: практики и эффекты», которую кафедра журналистики проводит уже тринадцатый год (см., например, [56]).

Следующий проблемный вопрос, определивший своеобразие подходов казанской журналистиковедческой школы к актуальной практике, связан с наблюдаемым *кризисом медиакультуры*, её конкретных проявлений и ориентиров. Очевидно, что плюрализм журналистских моделей означает и потерю единства ценностно-нормативной базы СМИ. Между тем концепция социальной ответственности прессы предъявляет строгие требования к поведению журналиста. Чтобы не войти в противоречие с конвергентными процессами, охватившими современное информационное поле, были взяты на вооружение *уровневый, сферный и ситуационный* подходы. В частности, разводятся понятия «профессиональная мораль» и «профессиональная этика». Первое определяется личностным

уровнем, нравственным выбором самого человека, который может полагаться на неосознаваемую внутреннюю норму, заданную его совестью. Второе возникает на уровне сообщества или организации и является осознанным знанием, которое нашло выражение в формулировках этических принципов, представленных в кодексах и декларациях. Динамика заданных уровней, их постоянная проблематизация и формируют то пространство, в котором «вечные вопросы» слиты с каждодневной необходимостью производственного функционирования.

Сферный подход позволяет учитывать неоднородность медиасреды, её тематическую разноплановость. Осуществляемая нами сегодня экспертная деятельность в области информационных споров убеждает в том, что для политической сферы актуальны одни аспекты организации медиатекстов, для социальной – другие, а для духовной – третьи [57]. Исследование работы журналиста с учётом контекстных практик позволило, к примеру, сформулировать этические правила, которых рекомендуется придерживаться при освещении темы религии. Важность удержания равновесия в структурной функциональности тематических сфер информационного поля осознана членами кафедры журналистики Казанского университета как необходимость противостояния соблазну идеологизации, охватившему сегодня многих в стране.

Разработчиком ситуационного подхода в Казани является представитель философской школы Н.М. Солодухо, описавший различные операциональные приёмы анализа гуманитарных ситуаций. В частности, обозначен алгоритм выявления ситуации: а) нахождение фактора как действенного, производного начала ситуации; б) выделение из череды фактов события, создающего ситуацию; в) определение границ ситуации [58]. Сочетание данных разработок с методиками анализа текстов СМИ, предлагаемыми социологической школой конструктивизма И.Г. Ясавеева, создаёт тот благоприятный контекст, который обеспечивает казанскому журналистиковедению возможность плодотворных междисциплинарных исследований. Одним из результатов этого стало участие теоретиков журналистики в разработке социологических методик диагностики текстов СМИ по определению скрытой интолерантности, а также формирование собственных подходов к изучению региональной прессы [59].

Исследовательские перспективы казанской журналистиковедческой школы

Оценивая потенциал казанских исследователей, С.Г. Корконосенко отмечает: «Анализ массово-информационной практики сквозь призму “ситуации человека” (гуманитарно-философский взгляд) противопоставлен сакральной мифологизации таких понятий, как “информация” и “коммуникация”, и... выявляет незаменимую ценность прессы для естественного общения между людьми. <...> По нашему убеждению, свобода прессы определяется главным образом не экономическими или политическими факторами, которые чаще всего ставятся в центр дискуссий на эту тему, а внутренней свободой каждого субъекта производства и потребления массовой информации. Самостоянье человека, по А.С. Пушкину, – вот что роднит подлинно независимых автора, читателя и исследователя-новатора» [60, с. 12].

«Самостоянье» человека как внутреннее ощущение уверенной свободы воспринимается нами как служение правде, истине, научному знанию. И ощущение это, ставшее краеугольным камнем нашей парадигмы, позволяет говорить об уже сложившейся научной школе журналистиковедения – не массмедиа, как предлагают сейчас называться нашей науке. Так, В.Б. Смирнов, выступая против кажущегося ему громоздким термина «журналистиковедение», пишет: «Наиболее удачным определением для науки, изучающей средства массовой информации, могло бы стать “медиаведение”: компактное и смыслодержательное, не выбивающееся из сложившегося семантического поля медийной фразеологии, не посягающее на территорию коммуникативистики» [61, с. 207]. Тем не менее полагаем, что термин «журналистиковедение» лучше всего отражает и объект, и предмет нашего исследования.

«Объектом медиаведения, – уточняет В.Б. Смирнов, – является вся совокупность печатных и электронных средств массовой информации, рассчитанной не на узкопрофессиональную аудиторию, а именно на массового потребителя (не в количественном отношении, а в социальном – как представителя массы), стремящегося к удовлетворению актуального общественного интереса» [61, с. 208]. Мы же полагаем, что объектом журналистиковедения выступает журналистика как система массовой информации, включающая в себя как массовые, так и элитные издания, в том числе и рассчитанные на узкопрофессиональную аудиторию. Таким образом, термин «журналистиковедение» намного шире по содержанию понятия «медиаведение». А предметом журналистиковедения является отражение в мыслетворчестве журналиста вопросов общественной жизни с её актуальными проблемами и явлениями, благодаря чему в журналистских текстах создаётся образ современности.

Столь полюбившийся сегодня всем термин “media” всего лишь множественное число от латинского “medium” – субстанция, через которую передаётся сила или другое воздействие, посредник между живыми и мёртвыми либо нечто среднее: в музыке – средний регистр высокого женского певческого голоса, в грамматике – средний залог, в истории – средние века [62, с. 234]. “Media” у М. Маклюэна – это и слово, и дороги, и число, и одежда, и жилище, и деньги, и часы, и игры, и комиксы, и колесо, и фотография, и пишущая машинка, и многое другое, помимо средств массовой информации [63].

В то же время термин «журналистика» применительно ко всей совокупности периодических изданий утвердился в отечественной науке в середине XIX в., и, как нам видится, в нём заключена некая историческая преемственность между XVIII, XIX и XX вв. Выражая обеспокоенность утратой этой преемственности, А.П. Короченский пишет: «Освобождаясь от влияния мифологем прошлого, превративших некоторые наработки советской журналистской науки... в нечто иллюзорное, радикально расходящееся с социальной действительностью, можно легко попасть под влияние заёмных мифологизированных теорий и концепций. Это чрезвычайно важно учитывать в условиях постсоветских республик, где после распада СССР развитие собственных научных школ в журналистской науке происходило под мощным воздействием внешних факторов (Россия – не исключение)» [64, с. 17]. И тревога эта возникла не случайно. Так, К.А. Зорин (и не он один), обращая внимание на то, что «отечественная

теория журналистики в отличие от... “смежной” теории связей с общественностью до сих пор остаётся достаточно умозрительной, декларативной и не всегда соотносящейся с реалиями действительности и потребностями СМИ» [65, с. 85], призывает обратить внимание на западные теории массмедиа. С другой стороны, по мнению А.П. Короченского, «парадоксальным образом открытость постсоветских республик для освоения зарубежного опыта не привела к существенному обогащению журналистик этих стран, к её новому, гораздо более высокому профессиональному и культурному уровню. Поскольку в условиях глобализации медийного бизнеса выбор зачастую делался в пользу заимствования из-за рубежа коммерчески оправдавших себя медийных форм и форматов, вскоре выявилась культурная монотонность медиапродуктов, предлагаемых на рынках постсоветских республик» [66, с. 8].

В современных условиях смены шкалы ценностей с академических (истина, добро, этос как совокупность нравственных императивов) на экономические (эгоизм, стремление к выгоде, коммодификация как товаризация всех продуктов деятельности, включая нематериальные ценности) весьма спорным представляется умозаключение А.А. Тертычного, утверждающего, что «наука не должна подстраиваться под практику, как и практика – подстраиваться под науку. Это два корабля, идущие параллельным курсом. Однако они должны наблюдать за тем, что происходит на палубе соседа и учитывать увиденное в своей деятельности. Наука, в отличие от практики, не может строиться на произвольных суждениях. Она всегда должна учитывать уже имеющееся знание в качестве “точки отсчёта” в новых исследованиях» [67, с. 8]. Нам кажется, настало время выработать новую модель журналистиковедения, учитывающую и практические запросы, и нравственные идеалы. Утрата связи с практикой значительно обедняет и в конечном итоге убивает науку, а утрата научных базовых платформ приводит практику в первобытное состояние, когда «изобретение колеса» становится ежедневным её занятием.

Каждое из научных направлений, разрабатываемых казанской журналистиковедческой школой, видится нам серьёзным помощником в освоении новых реалий журналистской практики: историография журналистики позволяет извлечь опыт прошлого для более успешного продвижения в будущее, типогенезис и жанроведение, включающее в том числе медиакритику, показывают роль личностных качеств журналиста, а философия журналистики утверждает в профессиональном сообществе значение вечных духовных ценностей, необходимых для её развития.

Итак, сформулируем ещё раз характеристики казанской журналистиковедческой школы:

1) наличие коллективного лидера, играющего роль «мозгового центра» (содружество историковедческого, жанрово-типологического и философского направлений журналистиковедческого исследования при автономии их научных лидеров);

2) преемственность научных традиций (опора на наработки предшественников, выражаемая как в прямом, так и в косвенном цитировании их трудов);

3) практическое воспроизводство творческого коллектива (наличие аспирантуры и диссертационного совета, позволяющих осуществлять хранение и передачу научных знаний молодым поколениям);

4) востребованность академическим сообществом результатов исследовательской деятельности (признание научных достижений членов казанской журналистиковедческой школы представителями других школ, высокая публикационная активность в изданиях различных уровней);

5) сохранение единых парадигмальных рамок (персонификация явлений и рассмотрение журналистиковедческих проблем через «ситуацию человека»; восприятие журналистики как неразрывного процесса; гуманизм как основополагающий принцип работы журналиста; исследование принципов взаимодействия различных потоков журналистики через изменяющиеся дискурсы и диалогизм; осуществление тесной связи теории и практики).

Литература

1. *Воверене О.И., Вилкина О.П.* Научная школа как науковедческая категория // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов: Тез. докл. Междунар. конф. по науковедению. – Л.: Изд-во АН СССР, 1990. – С. 154–156.
2. *Корзун В.П.* О роли и месте научной школы в истории науки // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1987. – С. 3–6.
3. *Лукина Н.П., Ляхович Е.С.* Социокультурные факторы становления и деятельности научных школ // Современная наука и закономерности её развития. – 1988. – Вып. 5. – С. 179–183.
4. Ведущие научные школы России: Справочник. – М.: Янус-К, 1998. – Вып. 1. – 623 с.
5. *Козлова Л.А.* «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании // Вестн. Ин-та социологии. – 2014. – № 10. – С. 45–65.
6. *Бескаравайная Е.В., Мохначёва Ю.А., Харыбина Т.Н.* Научные школы института биохимии и физиологии микроорганизмов им. Г.К. Скребина РАН // Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. – 2014. – № 12. – С. 24–28.
7. *Окон Е.Б.* Нужна ли научная школа в эпоху перемен? – URL: <http://mncipi.narod.ru/p034.htm>, свободный.
8. *Дежина И.Г., Егерев С.В.* Ведущие научные школы – российский феномен? – URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/veduschie_nauchnye_shkoly_rossijskij_fenomen/, свободный.
9. *Александров Д.А.* Научные школы как социальные сети // Академические научные школы Санкт-Петербурга: К 275-летию Академии наук. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. науч. центра РАН, 1998. – С. 11–18.
10. *Орлов В.В.* Научные школы кафедры библиотековедения и теории чтения библиотечно-информационного факультета СПбГУКИ // Библиотечное дело – 2013: Материалы XVIII Междунар. науч. конф. – М.: Изд-во Моск. гос. ин-та культуры, 2013. – Ч. 1. – С. 79–82.
11. *Ванеев А.Н., Крейденко В.С., Бородина В.А., Колесникова М.Н., Орлов В.В.* К вопросу о научных школах в библиотековедении // Библиосфера. – 2014. – № 4. – С. 3–12.
12. *Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г., Казанкин Р.В., Дмитриева М.Б.* Научная школа как структурная единица научной деятельности. – М.: Изд-во ЦЭМИ РАН, 2011. – 77 с.

13. *Лазарь М.Г.* Социология и этика науки в России: прошлое и настоящее. – СПб.: РГГМУ, 2012. – 262 с.
14. *Остер Г.Б.* Как лечить удава. – М.: Росмэн, 2000. – http://www.e-reading.club/bookreader.php/1048444/Oster_-_Kak_lechit_udava.html, свободный.
15. *Егорова Л.Г.* Истоки научной школы казанских социологов (конец XIX – начало XX века) // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Казань: ЯЗ, 2014. – С. 87–90.
16. *Ланге К.А.* «Классические» и современные научные школы и научно-исследовательские объединения // Школы в науке: Сб. ст. – М.: Наука, 1977. – С. 265–274.
17. *Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: Univ. Chicago Press, 1962. – 172 p.
18. *Шайхитдинова С.К.* Предисловие // Медиаконвергенция и «ситуация человека»: новые вызовы, старые вопросы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. – С. 4–9.
19. *Павельева Т.Ю.* Трансформация содержания деятельности научно-образовательных школ в условиях смены научных парадигм // Вестн. МГОУ. Сер. Филос. науки. – 2011. – № 3. – С. 113–118.
20. *Lomonosov M.* Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l'exposé qu'ils donnent des ouvrages destinés à maintenir la liberté de philosopher // Nouvelle Bibliothèque Germanique, ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord. – Amsterdam, 1755. – Т. 7, Pt. 2. – S. 343–366.
21. *Киселёв В.С.* Эволюция коммуникативно-повествовательной структуры «Вестника Европы» В.А. Жуковского (1808–1811) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 61–73.
22. *Жуковский В.А.* Письмо из уезда к издателю // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – М.: Яз. рус. лит, 2012. – Т. 12. – С. 176–185.
23. *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. – М.: ОГИ, 2000. – 368 с.
24. *Новицкий К.П.* Газетоведение как предмет преподавания. – М.: Изд. отд. Гос. ин-та журналистики, 1924. – 40 с.
25. *Корконосенко С.Г.* Теории журналистики в России: научные школы // Век информации. Журналистика XXI века: поиски теоретического обоснования: Материалы конф. междунар. науч.-культ. форума «Дни философии в Петербурге-2015». – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2016. – № 1. – С. 48–58.
26. *Маслов В.С.* Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов (1883–1955). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 55 с.
27. *Исхаков Р.Л.* Е.Я. Багреев как основатель уральской научной школы журналистики // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 2. – С. 165–172.
28. 60 лет университетскому журналистскому образованию в России. 1946–2006. Ленинград – Санкт-Петербург, факультет журналистики СПбГУ. – СПб.: Моби Дик, 2006. – 192 с.
29. *Пехтелев И.Г.* Тукай и русская литература. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1966. – 182 с.
30. *Джалиль М.* Красная ромашка: Избр. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1981. – 543 с.
31. *Роот А.А.* У истоков жанра передовой статьи в русской журналистике (Передовая в публицистике А.И. Герцена): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 16 с.
32. *Азгамов Ф.И.* Интернациональное воспитание трудящихся и пропаганда идеи дружбы народов в советской печати (1966–1970): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1971. – 19 с.

33. *Роот А.А.* История жанра передовой статьи. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 142 с.
34. *Роот А.А.* Герцен и традиции Вольной русской прессы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 384 с.
35. *Роот А.А.* Передовая статья А.И. Герцена. (Возникновение и развитие жанра передовой статьи в русской журналистике). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. – 139 с.
36. *Зелинский Ф.Ф.* Филология // Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского. – СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1902. – Т. 35а. – С. 811–816.
37. *Фейерабенд П.* Наука является одной из множества идеологий и её следует отделить от государства так, как ныне отделена от него Церковь // Наука в свободном обществе. – М.: АСТ, 2010. – С. 157–159.
38. *Ширина Е.В.* Когнитивно-прагматические основы изучения языкового портрета прогрессивных публицистов XIX века // Учён. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 2. – С. 175–183.
39. *Роот А.А.* Журналистская наука: номенклатурно-методологический ресурс // Журналистская наука в Казанском университете: концепции диссертационных исследований / Сост. А.А. Роот, Р.П. Баканов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – С. 692–694.
40. *Merton R.K.* Science and technology in a democratic order // Journal Legal and Political Sociology. – 1942. – V. 1. – P. 115–126.
41. Журналистская наука в Казанском университете: концепции диссертационных исследований / Сост. А.А. Роот, Р.П. Баканов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 718 с.
42. *Шайхитдинова С.К.* Информационное общество и «ситуация человека» (Эволюция феномена отчуждения): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Казань, 2004. – 50 с.
43. *Пехтелев И.Г.* Белинский как историк русской литературы: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1955. – 32 с.
44. *Роот А.А.* «Колокол» (1868–1869) и традиции Вольной русской прессы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1995. – 35 с.
45. *Туманов Д.В.* Образ А.С. Пушкина в контексте литературно-идеологической жизни Татарстана: Публицистическая пушкиниана 1917–1945 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1998. – 18 с.
46. *Бик-Булатов А.Ш.* История отечественной публицистики XIX – XX века: Дискурсы нигилизма. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. – 292 с.
47. *Шайхитдинов Т.В.* Медиатексты об исламе в журналистском дискурсе: типология, функциональные особенности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2016. – 22 с.
48. *Карлова Т.С.* Нравственно-правовые проблемы в русской журналистике 60–70-х гг. XIX в. и творчество Ф.М. Достоевского: Дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1981. – 442 с.
49. *Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. – М.: Нац. ин-т прессы: Варигус, 1998. – 223 с.
50. *Шайхитдинова С.К.* Нормативные концепции СМИ в ситуации конфликта (на примере концепции национального развития СМИ в Республике Татарстан) // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен: Сб. – Казань: Терра-консалтинг, 1999. – Ч. 1. – С. 227–241.
51. *Баканов Р.П.* Медийная критика в системе современной журналистики России. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 116 с.

52. *Симкачёва М.В.* Журналистика XXI века: портрет профессии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. – 150 с.
53. *Шакиров А.Ш.* Социология массовой коммуникации. – Казань: Изд-во КГЭУ, 2010. – 188 с.
54. *Бандеров И.И.* Духовный синкретизм в публицистике Ф.М. Достоевского // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Т. 157, кн. 4. – С. 29–35.
55. *Марзан М.А.* Проблема медианасилия как предмет теории массовых коммуникаций // Огарёв-Онлайн. – 2015. – Вып. 19. – URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/problema-medianasiliya-kak-predmet-teorii-massovykh-kommunikacij>, свободный.
56. Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 440 с.
57. Настольные книги по медийному саморегулированию. – М.: Творч. центр ЮНЕСКО, 2009. – Вып. 1. – 432 с.; 2011. – Вып. 2. – 359 с.; 2013. – Вып. 3. – 580 с.; 2014. – Вып. 4. – 396 с.; 2015. – Вып. 5. – 320 с.; 2016. – Вып. 6. – 364 с.
58. Ситуационные исследования: По материалам Всерос. семинара / Под общ. ред. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. тех. ун-та, 2011. – Вып. 4: Ситуационная картина мира: По материалам междунар. науч.-философ. конф. – 155 с.
59. Другой в пространстве коммуникации: Сб. науч. ст. / Сост. и ред. С.К. Шайхитдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 264 с.
60. *Корконосенко С.Г.* Нормативные теории и нормативность в теории журналистики // Современные проблемы журналистской науки: Ежегод. сб. науч. ст. – Воронеж: Кварта, 2009. – С. 3–18.
61. *Смирнов В.Б.* Медиапоэтика как актуальная проблема теории журналистики // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 205–208.
62. Словарь иностранных слов / Под ред. Т. Гурьевой. – М.: Мир книги, 2004. – 416 с.
63. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. – 464 с.
64. *Короченский А.П.* Актуальные вопросы развития журналистской науки в постсоветском пространстве // Журналистика и медиаобразование – 2008: Сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2008. – Т. 1. – С. 13–22.
65. *Зорин К.А.* Проблема российской теории прессы и журналистское образование // Наука и современность. – 2010. – № 1. – С. 85–89.
66. *Короченский А.П.* Журналистика после СССР: два десятилетия обретений и утрат // Журналистика постсоветских республик: 20 лет спустя. Сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – Белгород: КОНСТАНТА, 2012. – С. 7–11.
67. *Тертычный А.А.* О соотношении понятий: «концепция», «тип», «профиль», «формат издания» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2010. – № 6. – С. 8–13.

Поступила в редакцию
23.03.17

Туманов Дмитрий Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: dvt1964@yandex.ru

Бик-Булатов Айрат Шамилович, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: aiaibikbik@mail.ru

Шайхитдинова Светлана Каимовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: svet1206@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 3, pp. 541–568

Kazan Scientific School of Journalism: Definition of Paradigmatic Boundaries

*D.V. Tumanov**, *A.S. Bik-Bulatov***, *S.K. Shayhitdinova****

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: **dvt1964@yandex.ru*, ***aiaibikbik@mail.ru*, ****svet1206@yandex.ru*

Received March 23, 2017

Abstract

The paper summarizes the preliminary results, outlines the milestones and the prospects for the formation and development of the Kazan school of journalism. The authors of the paper represent three generations of researchers, who are the representatives of the teaching staff of the Department of Journalism of the Kazan Federal University, where teaching journalism at the Kazan University was initiated 55 years ago, thereby leading to the development of a journalism science in the Volga region. Having appealed to the discussions on the concept of “scientific school”, we formulated the criteria for its separation. An overview of Russian schools of journalism has been performed. A tribute has been paid to the founders of the Kazan school and its followers. The main methodological approaches have been described. Based on the obtained results, the following paradigmatic principles of the Kazan school have been formulated: 1) the principle of humanism, which determines the priority of the “human situation” over technologies; 2) the principle of personality prevalence (a personalized approach to the historiography of journalism); 3) the principle of dialogic journalism, which ensures the unity of different models, discursive practices of journalism, and media processes in general; 4) the principle of media culture, which determines the coherent connectivity of situationality and processuality of the object of research, its genesis and actual existence, metaphysics and pragmatics.

Keywords: Kazan scientific school, Department of Journalism of Kazan University, paradigm principles, journalism science

References

1. Voverene O.I., Vilkina O.P. Scientific school as a category of science study. *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov: Tez. dokl. Mezhdunar. konf. po naukovedeniyu* [Problems of Activity Performed by Researcher and Research Groups: Proc. Int. Conf. on Science Study]. Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1990, pp. 154–156. (In Russian)
2. Korzun V.P. On the role and position of scientific school in science history. *Istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Hist. Lect. in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk, Izd. Omsk. Gos. Univ., 1987, pp. 3–6. (In Russian)

3. Lukina N.P., Lyakhovich E.S. Sociocultural factors of establishment and activities of scientific schools. *Sovremennaya nauka i zakonomernosti ee razvitiya* [Modern Science and Patterns of Its Development], 1988, no. 5, pp. 179–183. (In Russian)
4. Leading Scientific Schools of Russia: Handbook. Vol. 1. Moscow, Yanus-K, 1998. 623 p. (In Russian)
5. Kozlova L.A. The “scientific school” in scientific policy and social research. *Vestn. Inst. Sotsiol.*, 2014, no. 10, pp. 45–65. (In Russian)
6. Beskaravainaya E.V., Mokhnacheva Yu.A., Kharybina T.N. Scientific schools of G.K. Skryabin Institute of Biochemistry and Physiology of Microorganisms. *Nauchno-Tekhnicheskaya Informatsiya. Seriya I: Organizatsiya i Metodika Informatsionnoi Raboty*, 2014, no. 12, pp. 24–28. (In Russian)
7. Okon E.B. Is There a Need for Scientific School in the Epoch of Changes? Available at: <http://mncipi.narod.ru/n034.htm>. (In Russian)
8. Dezhina I.G., Egerev S.V. Are Leading Scientific Schools Viewed as a Russian Phenomenon? Available at: http://kapital-rus.ru/articles/article/veduschie_nauchnye_shkoly_rossijskij_fenomen/. (In Russian)
9. Aleksandrov D.A. Academic Scientific Schools of St. Petersburg: To the 275th Anniversary of the Academy of Sciences. *Nauchnye shkoly kak sotsial'nye seti* [Scientific Schools as Social Networks]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Nauch. Tsentra Ross. Akad. Nauk, 1998, pp. 11–18. (In Russian)
10. Orlov V.V. Scientific schools of the Department of Library Science and Reading Theory of the Library-Information Faculty of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. *Biblioteknoe delo – 2013: Materialy XVIII Mezhdunar. nauch. konf.* [Library Services – 2013: Proc. XVIII Int. Sci. Conf.]. Moscow, Izd. Mosk. Gos. Inst. Kul't., 2013, pt. 1, pp. 79–82. (In Russian)
11. Vaneev A.N., Kreidenko V.S., Borodina V.A., Kolesnikova M.N., Orlov V.V. On the problem of scientific schools in library science. *Bibliosfera*, 2014, no. 4, pp. 3–12. (In Russian)
12. Ustyuzhanina E.V., Evsyukov S.G., Petrov A.G., Kazankin R.V., Dmitrieva M.B. Scientific School as a Structural Unit of Research Activity. Moscow, Izd. TsEMI Ross. Akad. Nauk, 2011. 77 p. (In Russian)
13. Lazar M.G. Sociology and Ethics of Science in Russia: Past and Present. St. Petersburg, RGGMU, 2012. 262 p. (In Russian)
14. Oster G.B. How to Treat a Boa. Moscow, Rosmen, 2000. Available at: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1048444/Oster_-_Kak_lechit_udava.html. (In Russian)
15. Egorova L.G. The origins of the scientific school of Kazan sociologists (late 19th – early 20th centuries). *Universitetskaya korporatsiya: pamyat', identichnost', praktiki konsolidatsii: Materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [University Corporation: Memory, Identity, Consolidation Practices: Proc. All-Russ. Sci. Conf. with Int. Participation]. Kazan, YaZ, 2014, pp. 87–90. (In Russian)
16. Lange K.A. “Classical” and modern scientific schools and scientific-research associations. *Shkoly v Nauke* [Schools in Science]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 265–274. (In Russian)
17. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, Univ. Chicago Press, 1962. 172 p.
18. Shaikhidinova S.K. Media Convergence and “Human Situation”: New Challenges, Old Problems. *Predislovie* [Introduction]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2012, pp. 4–9. (In Russian)
19. Pavel'eva T.Yu. Transformation of the content of research and educational schools in changing scientific paradigms. *Vestnik MGOU. Seriya Filosofskie Nauki*, 2011, no. 3, pp. 113–118. (In Russian)
20. Lomonosov M. Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l'exposé qu'ils donnent des ouvrages destinés à maintenir la liberté de philosopher. *Nouvelle Bibliotheque Germanique, ou Histoire litteraire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord*. Amsterdam, 1755, T. 7, pt. 2, S. 343–366. (In French)
21. Kiselev V.S. Evolution of the communicative and narrative structure of V.A. Zhukovsky's “Vestnik Evropy” (1808–1811). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2012, no. 1, pp. 61–73. (In Russian)
22. Zhukovsky V.A. Complete Works and Letters. 20 Vols. *Pis'mo iz uezda k izdatelyu* [Letter to the Editor from the County]. Vol. 12. Moscow, Yaz. Rus. Lit., 2012, pp. 176–185. (In Russian)

23. Proskurin O. Literary Scandals of the Pushkin Era. Moscow, OGI, 2000. 368 p. (In Russian)
24. Novitskii K.P. Newspaper Science as the Subject of Teaching. Moscow, Izd. Otd. Gos. Inst. Zhurnalistsiki, 1924. 40 p. (In Russian)
25. Korkonosenko S.G. Journalism theories in Russia: Scientific schools. *Vek informatsii. Zhurnalistsika XXI veka: poiski teoreticheskogo obosnovaniya: Materialy konf. mezhdunar. nauch.-kul't. foruma "Dni filosofii v Peterburge-2015"* [Century of Information. Journalism of the 21st Century: Searching for Theoretical Proofs: Proc. Conf. Int. Sci.-Cult. Forum "Days of Philosophy in St. Petersburg-2015"]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Gos. Univ., 2016, no. 1, pp. 48–58. (In Russian)
26. Maslov V.S. Vladislav Evgen'evich Evgen'ev-Maksimov (1883–1955). Leningrad, Izd. Leningr. Univ., 1968. 55 p. (In Russian)
27. Iskhakov R.L. E.Ya. Bagreev as the founder of the Ural scientific school of journalism. *Izvestiya Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya 1: Problemy Obrazovaniya, Nauki i Kul'tury*, 2011, no. 2, pp. 165–172. (In Russian)
28. The 60th Anniversary of Teaching Journalism at Universities in Russia. 1946–2006. Leningrad – Saint Petersburg, Journalism Faculty of St. Petersburg State University. St. Petersburg, Mobi Dik, 2006. 192 p. (In Russian)
29. Pekhtelev I.G. Tuqay and Russian Literature. Kazan, Tatar. Knizh. Izd., 1966. 182 p. (In Russian)
30. Jalil M. Red Chamomile: Selected Works. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 1981. 543 p. (In Russian)
31. Root A.A. At the origins of leading article genre in Russian journalism (Leading article in A.I. Herzen's publicism). *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 1971. 16 p. (In Russian)
32. Agzamov F.I. International education of workers and propaganda of the idea of friendship between nations in the Soviet press (1966–1970). *Extended Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss.* Moscow, 1971. 19 p. (In Russian)
33. Root A.A. History of Lead Article Genre. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1980. 142 p. (In Russian)
34. Root A.A. Herzen in the Traditions of Russian Free Press. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2007. 384 p. (In Russian)
35. Root A.I. Herzen's Leading Article (Emergence and Development of Leading Article Genre in Russian Journalism). Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1970. 139 p. (In Russian)
36. Zelinskii F.F. Encyclopaedical Dictionary. Andreevskii I.E. (Ed.). *Filologiya* [Philology]. Vol. 35a. St. Petersburg, F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1902, pp. 811–816. (In Russian)
37. Feyerabend P. Science in a Free Society. *Nauka yavlyaetsya odnoi iz mnozhestva ideologii i ee sleduet otdelit' ot gosudarstva tak, kak nyne otdelena ot nego Tserkov'* [Science is One of the Variety of Ideologies and It Should be Distinguished from the State as It Is Done for the Church]. Moscow, AST, 2010, pp. 157 – 159.
38. Shirina E.V. Cognitive and pragmatic bases of studying the progressive publicists language portrait of the 19th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2009, vol. 151, no. 5, pt. 2, pp. 175–183. (In Russian)
39. Root A.A. Journalism Science at the Kazan University: Conceptions of Dissertation Studies. *Zhurnalistskaya nauka: nomenklaturno-metodologicheskii resurs* [Journalism Science: Nomenclature and Methodological Resource]. Kazan, Izd. Kazan. Gos. Univ., 2008, pp. 692–694. (In Russian)
40. Merton R.K. Science and technology in a democratic order. *Journal of Legal and Political Sociology*, 1942, vol. 1, pp. 115–126.
41. Root A.A., Bakanov R.P. Journalism Science at the Kazan University: Concepts of Dissertation Research. Kazan, Izd. Kazan. Gos. Univ., 2008. 718 p. (In Russian)
42. Shaikhidinova S.K. Information society and "human situation" (evolution of subtraction phenomenon). *Extended Abstract of Doct. Philos. Sci. Diss.* Kazan, 2004. 50 p. (In Russian)
43. Pekhtelev I.G. Belinsky as a historian of Russian literature. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 1955. 32 p. (In Russian)
44. Root A.A. "Kolokol" (1868–1869) and traditions of Russian free press. *Extended Abstract of Doct. Philol. Sci. Diss.*, St. Petersburg, 1995. 35 p. (In Russian)

45. Tumanov D.V. The image of A.S. Pushkin in the context of the literary and ideological life of Tatarstan: Publicistic Pushkiniana of 1917–1945. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Kazan, 1998. 18 p. (In Russian)
46. Bik-Bulatov A.Sh. The History of Russian Journalism in the 19th – 20th Century: Discourses of Nihilism. Kazan, Izd. Kazan. Gos. Univ., 2010. 292 p. (In Russian)
47. Shaikhitdinov T.V. Media texts on Islam in the journalistic discourse: Typology, functional characteristics. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Kazan, 2016. 22 p. (In Russian)
48. Karlova T.S. Moral and legal problems in Russian journalism of the 1870s and F.M. Dostoevsky's works. *Doct. Philol. Sci. Diss.* Kazan, 1981. 442 p. (In Russian)
49. Siebert F.S., Schramm W., Peterson T. Four Theories of Press. Moscow, Nats. Inst. Pressy, Vargius, 1998. 223 p. (In Russian)
50. Shaikhitdinova S.K. Who owns the Culture? Social Science and Prospects of research on Sociocultural Changes. *Normativnye kontseptsii SMI v situatsii konflikta (na primere kontseptsii natsional'nogo razvitiya SMI v Respublike Tatarstan)* [Normative Conceptions of Media in the Situation of Conflict (Based on the Conception of National Development of Mass Media in the Republic of Tatarstan)]. Part 1. Kazan, Terra-Konsalting, 1999, pp. 227–241. (In Russian)
51. Bakanov R.P. Media Criticism in the System of Modern Russian Journalism. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2015. 116 p. (In Russian)
52. Simkacheva M.V. Journalism of the 21st Century: Professional Portrait. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2009. 150 p. (In Russian)
53. Shakirov A.Sh. Sociology of Mass Communication. Kazan, Izd. KGEU, 2010. 188 p. (In Russian)
54. Banderov I.I. Spiritual syncretism in F.M. Dostoevskii's journalism. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2015, vol. 157, no. 4, pp. 29–35. (In Russian)
55. Marzan M.A. The Problem of Media Violence as the Subject of Mass Communication Theory. *Ogarev-Online*, 2015, no. 19. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/problema-medianasiliya-kak-predmet-teorii-massovykh-kommunikacij>. (In Russian)
56. Information field of modern Russia: Practices and effects. *Sb. St. XIII Mezhdunar. nauch.-prakt.konf.* [Proc. XIII Int. Sci.-Pract. Conf.]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2016. 440 p. (In Russian)
57. Handbooks on Media Self-Regulation. Moscow, Tvorch. Tsentr YuNESKO, 2009, no. 1, 432 p. 2011, no. 2, 359 p. 2013, no. 3, 580 p. 2014, no. 4, 396 p. 2015, no. 5, 320 p. 2016, no. 6, 364 p. (In Russian)
58. Situational Studies: Based on Proc. All-Russ. Semin. Solodukho N.M. (Ed.). Kazan, Izd. Kazan. Gos. Tekh. Univ., 2011, no. 4: Situational World Image. Proc. Int. Sci.-Philos. Conf. 155 p. (In Russian)
59. Shaikhitdinova S.K. The Different One in the Communication Space. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2007. 264 p. (In Russian)
60. Korkonosenko S.G. Normative theories and normativity in the theory of journalism. *Sovremennye problemy zhurnalistskoi nauki* [Current Problems of Journalism Science]. Voronezh, Kvarta, 2009, pp. 3–18. (In Russian)
61. Smirnov V.B. Mediapoetics as the actual problem of the theory of journalism. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2013, no. 2, pp. 205–208. (In Russian)
62. Dictionary of Foreign Words. Gur'eva T. (Ed.). Moscow, Mir Knigi, 2004. 416 p. (In Russian)
63. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. McGraw-Hill, 1964, 318 p.
64. Korochenskii A.P. Urgent problems of journalism science development in the post-Soviet space. *Zhurnalistika i Mediaobrazovanie, 2008: Sb. tr. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Journalism and Media Education, 2008: Proc. III Int. Sci.-Pract. Conf.]. 2 Vols. Belgorod, Izd. Belgorod. Gos. Univ., 2008, vol. 1, pp. 13–22. (In Russian)
65. Zorin K.A. Problem of Russian printed media theory and journalism education. *Nauka i Sovremennost'*, 2010, no. 1, pp. 85–89.

66. Korochenskii A.P. Journalism after the USSR: Two decades of gains and losses. *Zhurnalistika postsovetских respublik: 20 let spustya. Sb. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Journalism of Post-Soviet Republics: 20 Years Later. Proc. Int. Sci.-Pract. Conf.]. Belgorod, KONSTANTA, 2012, pp. 7–11. (In Russian)
67. Tertychnyi A.A. On connection between the conceptions of idea, type, profile, and format of publication. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2010, no. 6, pp. 8–13. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Туманов Д.В., Бик-Булатов А.Ш., Шайхитдинова С.К. Казанская научная школа журналистики: определение парадигмальных границ // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 3. – С. 541–568. ⟩

⟨ **For citation:** Tumanov D.V., Bik-Bulatov A.S., Shayhitdinova S.K. Kazan scientific school of journalism: Definition of paradigmatic boundaries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 3, pp. 541–568. (In Russian) ⟩